

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ТЕКСТОПОРОЖДАЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ ПО КАРТИНЕ «ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ» В.А. СЕРОВА)

Рассматривается проблема текстопорождающей природы языковой картины мира, предлагается модель речемыслительной деятельности, основными звеньями которой являются следующие компоненты: картина мира – языковая картина мира – текст.

Ключевые слова: языковая картина мира; языковая личность; речемыслительная деятельность; модусная установка; модусный сценарий.

I

В данной статье обсуждается проблема текстопорождающей природы языковой картины мира (далее – ЯКМ). Авторами предлагается модель речемыслительной деятельности, в которой основными звеньями детерминационной цепочки выступают следующие компоненты: картина мира – ЯКМ – текст. Большинство исследований в области ЯКМ ограничиваются описанием взаимодействия либо первого и второго звена, либо второго и третьего. Причем в последнем случае моделирование большей частью осуществляется в направлении от текста, выступающего в роли материала или субстрата к (реконструируемой) ЯКМ ее автора. Наконец, в ряде работ третье звено трактуется как непосредственно обусловливаемое первым (таковы, например, «теплые», «веселые», «печальные» тексты в концепции В.П. Белянина [1]).

В предлагаемой модели текст выступает продуктом речемыслительной деятельности носителя языка, частью единого и непрерывного процесса в его языковом сознании, в котором все названные компоненты действуют и последовательно и параллельно, и относительно независимо и взаимосвязанно. При таком подходе естественно принять два допущения. Во-первых, допущение о виртуально-актуальном статусе существования ЯКМ в языковом сознании, из чего вытекает тезис о двояком положении ЯКМ как текстовой категории в языковом сознании носителя языка – потенциальном (дотекстовом) и реальном (собственно текстовом). Во-вторых, допущение об инструментально-субъектном участии ЯКМ в речемыслительной деятельности. Инструментальный аспект ЯКМ предполагает ответ на вопрос о том, как «делается языковой образ действительности средствами языка» [2. С. 174], а активно-субъектный аспект ЯКМ – о том, как сам факт наличия ЯКМ в языковом сознании участвует в формировании рече-мысли, влияя на нее.

Гипотеза, лежащая в основе исследования, может быть сформулирована следующим образом. Даже мельчайшие единицы языка обладают тем или иным потенциалом текстового развертывания, заключенного в его структуре, и проявляются при их естественной или экспериментальной динамизации. Например, ассоциации, вызываемые словом, трактуются исследователями как свернутые синтагмы или текстовые фрагменты, способные к развертыванию, см. подробнее: [3–6]¹. В этом ряду находится и слово, образно определенное М.М. Бахтиным аббревиатурой высказывания. Естественно, что структурные модели слова или предложения, фрагмента текста «хранят» подобный потенциал текстового развертывания, в том числе самопроизвольного; и это, по нашему предположению, в определенной мере относится к такому сложному структурному образованию в языке, как ЯКМ.

Представление о роли ЯКМ в речемыслительной деятельности извлекается нами из анализа ее (деятельности) результатов, т.е. текстов, полученных в результате эксперимента, суть которого сводилась к следующему: испытуемым (старшеклассникам и студентам) было предложено написать сочинение по картине В.А. Серова «Девочка с персиками». В данном случае выступающая в качестве стимула картина, вызывая различное представление ситуации в сознании носителя языка, актуализирует тот или иной сценарий оязыковлечения фрагмента действительности.

Дальнейшее изложение представлено двумя частями: общетеоретической и конкретно исследовательской.

Текстовая воплощенность картины мира (модели мира) достаточно хорошо изучена на материале художественных произведений в рамках выявления стилиобразующих черт их создателей, о чем свидетельствует немало работ (см., например: [7–11]). Однако в подобного рода работах основной акцент делается на выявлении суммы знаний художников слова о мире. Ср., например, высказывание: «...картина мира индивида складывается из специфики представлений и взглядов на природу и общество, на мир в целом и на свое место в нем, а также из совокупности доступных индивиду знаний, накопленных другими индивидами и обществом» [12. С. 25]. Статус ЯКМ как текстопорождающей, динамической, категории предполагает прежде всего рассмотрение особенностей (установок) вербализации образов сознания языковой личностью.

Каково место ЯКМ в структуре языкового сознания? Осознание двоякого статуса существования ЯКМ – дотекстового и текстового – позволяет рассматривать последнюю как глубинное образование в структуре языкового сознания, в котором «языковое» (языковой мир) почти неотделимо от собственно психологического, когнитивного (картина мира). Подобное понимание ЯКМ обуславливает выделение в ее структуре ментального компонента, представляющего собой единство языкового и когнитивного элементов. Когнитивный элемент выступает как отражение внутренней интенции², влияющей на восприятие мира языковой личности. В таком случае картина мира носителя языка (индивидуальная картина мира) предстает как система координат, образуемая внутренними интенциями, которые устанавливают фокус видения мира. Воплощенная в системе, она выступает в статусе ЯКМ и отражает индивидуальный опыт перевода фрагментов действительности (картин мира) в текстовые фрагменты.

«Языковой мир» в структуре ЯКМ организуется, на наш взгляд, в результате взаимодействия языкового опыта и коммуникативной практики языковой личности. По мнению Л.Н. Засориной, языковой опыт лично-

сти связан «с процессом импликации (свертывания) высказывания, преобразования речевого сообщения в элементы системы» [13. С. 9]. Подобная деятельность способствует формированию индивидуальной системы языка, которая извлекается из речевого материала и детерминирована индивидуальной картиной мира. Значение коммуникативной практики в процессе формирования индивидуальной системы языка подчеркивает Б.М. Гаспаров в работе «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования», в которой языковые единицы рассматриваются не только (и не столько) как строевые элементы системы, но прежде всего как коммуникативно заряженные частицы, несущие потенциал коммуникативного функционирования. Б.М. Гаспаров отмечает, что «языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых» [14. С. 106]. Формируемая таким образом индивидуальная система языка, по словам исследователя, скорее напоминает «плазму, через которую непрерывно, по все время изменяющимся направлениям, проходят токи ассимилятивных и ассоциативных взаимодействий» [14. С. 14]. Как следствие такого понимания, ЯКМ представляет собой видение мира носителя языка, формирующееся в результате действия внутренней интенции, которая осознается лишь в процессе языкового воплощения. Таким образом, ЯКМ, выступая как ментальный компонент речемыслительной деятельности, опосредует развертывание текста определенного типа.

Развивая тезис о текстообразующей функции ЯКМ, остановимся подробно на процессе оязыковления фрагмента действительности. Представляется, что процесс восприятия мира хорошо иллюстрирует схема У.Л. Чейфа [15], отражающая процесс перевода «кусочков» действительности в вербальную форму:

Восприятие   Вербализация
 Стимул   →   Сознание   →   Язык.

В этой схеме «стимул» обозначает те данные о внеязыковой ситуации, которые поступают в органы чувств при первичном восприятии фрагмента действительности. «Сознание» представляет феноменологическое осознание воспринимаемого опыта или наличие некоторой информации, относящейся к этому опыту, в блоке кратковременной памяти. Посредством термина «восприятие» У.Л. Чейф подчеркивает, что «поступающее в сознание не является “точной копией “Стимула”, но есть его интерпретация» [15. С. 36]. Актуализированный сознанием фрагмент действительности испытывает влияние контекста ситуации, индивидуальной и культурной предрасположенности. Посредством вербализации информация из сознания переводится в слово и – шире – в текст. Таким образом, фрагмент действительности становится фрагментом ЯКМ (и текстовым фрагментом) в случае обретения им статуса денотата высказывания.

Признание интерпретационной функции сознания означает, что внешний, объективный мир имеет «онтологически субъективный модус существования» [16. С. 44]. Пристрастность человеческого сознания при восприятии мира неоднократно подчеркивалась психологами, которые предложили ввести метапонятие, обо-

значающее личностную реакцию индивидуума на действительность, называя ее установкой [17], доминантой [18]. Важным в плане настоящей работы является вывод психологов о том, что указанные понятия определяют не только поведение личности, но и характер восприятия мира, в том числе и характер языкового представления мира. Ср. с высказыванием Ш. Балли: «...речь обладает теми же доминантами, что и психическая деятельность человека» [19. С. 182]. Предлагаем личностный способ восприятия мира индивидуума назвать термином «модусная установка», под которым понимаем ментальное состояние сознания, обуславливающее способ видения мира и миромоделирования. Важно подчеркнуть, что модусная установка как ментальное состояние субъекта существует до речевой деятельности языковой личности, во многих случаях детерминируя ее. Такую модусную установку можно назвать константной.

В теоретическом плане становится важным вопрос о переходе внеязыковой личности в статус языковой личности. Каким образом модус как субъективное состояние, возникающее при восприятии мира, овнешняется языковой личностью? На основе чего осуществляется связь между фрагментом действительности и его вербализацией? Думается, что ответ на этот вопрос коренится «в глубинах» речемыслительной деятельности, одновременно приводящей в движение и когнитивные, и языковые структуры языкового сознания. С.Д. Кацнельсон отмечал, что «язык и сознание... сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей структуре, речемыслительный процесс» [20. С. 110]. Далее мы попытаемся в самом общем виде очертить этот процесс³.

В настоящей момент является общепризнанным положение о том, что существуют факторы в механизме порождения речи, которые предшествуют этапу непосредственного оязыковления латентной внеязыковой информации. К числу таких факторов среди прочих относят наличие ситуации (внеязыковой фрагмент и/или коммуникативная ситуация) и потребности [21]. Как представляется, внеязыковой фрагмент сам по себе не индуцирует языковое обозначение [22], последнее, на наш взгляд, возникает как ответ на *потребность* его обозначения в речи, см. подробнее: [23]. Это означает, что фрагмент действительности становится текстовым фрагментом в том случае, если он попадает в коммуникативный фокус автора высказывания. При таком «попадании» активизируется модусная установка и, соответственно, механизмы речевой деятельности. Е.С. Кубрякова отмечает, что «речевая деятельность начинается уже тогда, когда активизирующееся сознание принимает решение высказать нечто и когда в преддверии акта речи совершается формирование мысли и планирование речевого высказывания» [24. С. 25]. Появление мотива⁴ речевой деятельности запускает механизмы коммуникативной интенции (цели), предполагающей сообщение некоторого коммуникативного содержания адресату. В соответствии с нашими представлениями о текстопорождении [25], данные механизмы действуют в двух форматах: лингвомнемическом и лингвокреативном. Первый из них подробно

представляет Б.М. Гаспаров в упоминавшейся работе «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования». Приведем один из его тезисов: «Каждая мысль, которую говорящий хочет выразить, уже при самом своем зарождении пробуждает... цитатный мнемонический конгломерат, актуализирует некоторые его компоненты, которые почему-либо ассоциируются с образом зарождающейся мысли. Эти компоненты... притягивают к себе другие языковые частицы, актуализируя их в сознании говорящего в качестве возможных ходов выражения его мысли. Говорящий субъект реализует некоторые из этих пробуждающихся в его сознании возможностей и оставляет в стороне другие...» [26. С. 106]. Из этого тезиса следует, что началом языковой деятельности служит появление коммуникативной интенции (цели), которая определяет *что* извлекается и *как* организуется в целостный дискурс. Так коммуникативная интенция актуализирует те или иные языковые ходы, увязывая и когнитивные, и языковые структуры языкового сознания, в том числе и языковой опыт автора высказывания, пресуппозиционные знания, особенности индивидуальной картины мира, схему/способ оязыковления фрагмента действительности. Простейшую форму такой увязки показывает формирующееся детское языковое сознание, обладающее «ЯКМ-примитивом» и порождающее тексты-примитивы. Наше наблюдение за речевым поведением двухлетнего ребенка дало такую иллюстрацию. От имманентно-эгоцентрического этапа «хочу-дай», на котором картина мира определялась его внутренним «потребительским» состоянием, ребенок перешел к «событийно-эгоцентрической» картине мира, детерминационно связанной с его речевым поведением: после каждого действия он считал необходимым подходить к маме и сообщать «*попил*», «*поспал*», «*пописал*». В таком «перфектном» речевом поведении ребенка субъективное доязыковое и языковое характеризуется высокой степенью единства, которое можно квалифицировать как органическое. По мере взросления человека это единство постепенно обретает качество функционального (хотя и очень тесного), на его речевое поведение все более влияют многие социальные факторы, образование, самообразование. Но исконная предрасположенность к тому или иному типу ментально-языкового поведения у большинства носителей языка, по видимому, сохраняется и находит отражение в их речевых произведениях.

Креативная составляющая языковой способности тесно связана с коммуникативной интенцией, которая выступает в данном аспекте речемыслительной деятельности как детерминанта текстопорождения. В свою очередь, на характер протекания последнего оказывает влияние модусная установка, имеющая как ситуативную, так и константную обусловленность (константная модусная установка выступает как функция данного типа языковой способности и связанной с ним модели развертывания текста). Зададимся вопросом: в каких отношениях находятся коммуникативная интенция и модусная установка? Разумеется, характер коммуникативной интенции оказывает влияние по принципу обратной связи на ситуативное видение (в том числе и языковое) фрагмента действительности. Достаточно

определенно это проявляется, например, в сочинениях по картине, которую разные дети «видят» (осмысляют) по-разному. Так, интенция на самовыражение диктует одно видение, интенция на то, чтобы «впечатлеть» учителя, – другое, стремление получить оценку (соответствовать заданным стандартам) – третье, интенция «отписки» – четвертое.

Как представляется, максимальное сближение константной модусной установки и коммуникативной интенции наблюдается в случае реализации первой интенции – интенции на самовыражение, включаемой без дополнительных стимулов речевой деятельности⁵. Здесь вступает в силу ментальный компонент ЯКМ, определяющий тип речемыслительного поведения, на выходе которого появляется текст определенного языкового качества. Ср.: «Описание картины (живописного полотна. – Н.Г., Н.Ш.) можно сделать самым различным способом, но любое такое описание, сделанное на свой манер тем или иным ее “созерцателем” будет описанием, в основе которого лежит личный мир данного “созерцателя” – один из «возможных миров» [27. С. 20]. Разное видение картины определяет не сама картина, а константные модусные установки, предопределяющие такое видение. Так, одни из авторов сочинений неосознанно стремятся увидеть в картине цветное исполнение, другие – сюжет, одни замечают детали (причем, детали определенного типа), другие видят ее в целом (причем, целое организуется на основе разных признаков), одни классифицируют (категоризируют) картину, другие «просто» описывают и т.д.

Различие модусных установок при восприятии мира предполагает соответствующие схемы оязыковления спроецированного в плоскость сознания фрагмента действительности и формирует тем самым различные типы ЯКМ. Предлагаем схемы такого поведения называть термином «модусные сценарии». Термин «сценарий» выделяется в ряду синонимичных когнитивных терминов, таких как фрейм, концепт, ситуатема⁶. Он означает «фрагмент действительности в развитии» [28. С. 243]. Модусный сценарий выступает как ментально-языковое образование, актуализирующее модусное миромоделирование средствами языка.

II

Анализ текстов, полученных в результате эксперимента, позволяет построить матрицу модусных сценариев, в основе которой лежит система координат модусных установок их реализующих, в числе последних могут быть выделены, с одной стороны, художественные, логические, нейтральные модусные установки, с другой – описательные, повествовательные (сюжетные), рассуждающие модусные установки с их дальнейшим разбиением на подтипы.

Представим в качестве примера анализ ЯКМ (модусного сценария) одного из испытуемых (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация реципиента).

На картине В.А. Серова «Девочка с персиками» изображена девочка подросток, в руках у которой персик. Она сидит за столом и прямо смотрит как будто в глаза зрителю. Юная прекрасная особа – олицетворение чего-то свежего, доброго, светлого и ясного.

Это легкое ощущение свежести автор передал нам с помощью цвета и его композиций. Светлая розовая ковточка с черным бантом, на ней так живо играют блики света, падающего из окна, дающие оттенки сереневого, желтого, голубого. Но это сочетание не в коей мере не режет глаз, а наоборот довольно радует. За окном виднеется зелень деревьев, светлый осенний день, что тоже передает ощущение радости и чего-то доброго, приятного. Белая скатерть с как будто небрежно разбросанными на ней персиками и осенними уже по желтевшими листьями создают впечатление света и тепла.

Все это буйство красок очень хорошо сочетается между собой, и является чем-то общим единым, одной цельной композицией.

Взгляд, смотрящий на тебя, будто сквозь время, девочки, ее карие, темные глаза, каштановые пряди волос, положение рук, стан, сама поза, вызывают почему-то умиление и восторг. Но в то же время и грусть, с осознанием того, что ее молодость и свежесть тоже когда-то увянет, как эти пожелтевшие листья на скатерти.

Молодость, живость детского образа, красота жизни в самом ее начале, вот скорее всего то, о чем хотел поведать нам автор картины.

Описываемая ЯКМ обусловлена действием эстетико-описательного сценария оязыковлени мира (данный модусный сценарий – один из подтипов художественно-описательного типа модусного сценария). Он характеризуется доминированием модусной установки, переводящей воспринимаемый фрагмент действительности в эстетический образ. Наблюдаемый фрагмент действительности, попадая в коммуникативный фокус автора высказывания, индуцирует эстетико-эмоциональный отклик. Подобная установка способствует «наращиванию» денотативного скелета до эстетического контекста, который «растекается» ассоциативными линиями по всему корпусу языковых единиц.

При создании эстетического контекста автор персонифицирует фрагменты действительности, которые начинают выступать как субъекты активных действий. Такого рода персонификация обнаруживается особенно ярко в использовании приемов событийной и личностной каузации. Так в качестве событийных каузаторов выступают фрагменты действительности, актуализирующие качественное определение бытующего объекта: *Белая скатерть с как будто небрежно разбросанными на ней персиками и осенними уже по желтевшими листьями создают впечатление света и тепла.* Использование переходных глаголов с семантикой каузации лишь усиливает действие эстетического эффекта, т.к. такие, как правило, трехактантные глаголы содержат указание на предмет действия (*поза, стан, буйство красок*), предмет воздействия (*ощущение, впечатление, умиление и восторг*), субъект восприятия (указание на него дано имплицитно). При этом место второго актанта отводится предметному дополнению, содержащему семы «ощущение», «эмоциональное переживание»: *передает ощущение, создают впечатление, вызывают почему-то умиление и восторг.* Личностная каузация проявляется прежде всего в конструкциях типа *ощущение свежести автор передал нам с помощью цвета и*

его композиций. В подобного рода конструкциях используются акциональные переходные глаголы с семантикой каузации, характеризующиеся, как правило, четырехактантной структурой: субъект действия – предмет действия – субъект восприятия – способ действия. В качестве субъекта действия выступает фигура художника, которую автор вводит в коммуникативное пространство, стремясь как бы дистанцироваться, занять позицию адресата. Ср.: *Она сидит за столом и прямо смотрит как будто в глаза зрителю... Это легкое ощущение свежести автор передал нам с помощью цвета и его композиций.* Об этом свидетельствует и временное противопоставление глагольных форм: с точки зрения автора (субъекта сознания), – настоящее время (*создают, передает*), с точки зрения «фигуры художника», – прошедшее (завершенное) время (*передал, хотел поведать*).

Воспринимаемые автором объекты действительности характеризуются употреблением слов возвышенной (поэтической) коннотации/номинации, например *особа, поза, стан, пряди волос, блики света, блузка.* Для их оязыковлени используются качественные прилагательные с семантикой «насыщенного» цвета: *розовая блузка, белая скатерть, пожелтевшими листьями,* акциональные глаголы каузирующей семантики: *создают впечатление света и тепла,* абстрактные субстантивы с семантикой цвета, света: *зелень деревьев, впечатление света и тепла,* качественные наречия, совмещающие субъектно-оценочные значения: *живо играют, довольно радует.* Подобные субстантивы, атрибутивы, вступая в ряды однородных членов, предостают в качестве контекстуальных синонимов и служат для конкретизации воспринимаемых свойств денотата. Ср.: *За окном виднеется зелень деревьев, светлый осенний день, что тоже передает ощущение радости и чего-то доброго, приятного* или *Белая скатерть с как будто небрежно разбросанными на ней персиками и осенними уже по желтевшими листьями создают впечатление света и тепла.* Подобную функцию выполняет и прием денотативного тождества: *Юная прекрасная особа – олицетворение чего-то свежего, доброго, светлого и ясного.* Использование данного приема актуализирует качественное (интенсифицирующее) определение бытующего предмета. Ср.: *Светлая розовая ковточка с черным бантом, на ней так живо играют блики света, падающего из окна, дающие оттенки сереневого, желтого, голубого. Но это сочетание не в коей мере не режет глаз, а наоборот довольно радует. За окном виднеется зелень деревьев, светлый осенний день, что тоже передает ощущение радости и чего-то доброго, приятного.* Такого рода синонимия, включенная в эстетический контекст, создает целостную картину воспринимаемого фрагмента действительности. Синтетичность восприятия обнаруживается также в использовании анафорических слов конкретизирующей семантики (на ней, но это сочетание): *Юная прекрасная особа – олицетворение чего-то свежего, доброго, светлого и ясного. Это легкое ощущение свежести автор передал нам с помощью цвета и его композиций. Светлая розовая ковточка с черным бантом, на ней так живо играют блики света, падающего из окна, дающие оттенки сереневого, желто-*

го, голубого. Но это сочетание не в коей мере не режет глаз, а наоборот довольно радует.

Для создания целостного образа воспринимаемого фрагмента действительности автор использует не только лексические средства, но и грамматические, текстовые. Так, для обозначения наблюдаемого «кусочка» действительности используются ряды однородных членов, многие из которых соединены сочинительным союзом *и*: *Взгляд, смотрящий на тебя, будто сквозь время, девочки, ее карие, темные глаза, каштановые пряди волос, положение рук, стан, сама поза, вызывают почему-то умиление и восторг*; используются нерасчлененные конструкции, выявляемые на макро- и микроуровне. Так на макроуровне выявляются сложноподчиненные предложения с придаточной определительной и придаточной изъяснительной: *На картине Серова «Девочка с персиками» изображена девочка подросток, в руках у которой персик. За окном виднеется зелень деревьев, светлый осенний день, что тоже передает ощущение радости и чего-то доброго, приятно*; а на микроуровне – причастные обороты: *Светлая розовая ковточка с черным бантом, на ней так живо играют блики света, падающего из окна, дающие оттенки сереневого, желтого, голубого*; цепная связь предложений, причем некоторые предложения связываются сочинительными союзами противительного значения (*а, но*): *Светлая розовая ковточка с черным бантом, на ней так живо играют блики света, падающего из окна, дающие оттенки сереневого, желтого, голубого. Но это сочетание не в коей мере не режет глаз, а наоборот довольно радует*. При этом целостный образ воспринимаемого фрагмента действительности создается за счет антонимических отношений, пронизывающих текстовое пространство. Лексические и грамматические средства группируются в оппозитивно-семантические ряды с учетом рядов однородных членов, создавая те или иные семантические конфигурации.

Семантический каркас образуют различные конфигурации семантических объединений: антонимические, синонимические. Так концептуально-семантическое поле организуется атрибутивами, субстантивами, глаголами, объединенными единой суперсемой «эстетическое впечатление», которая представлена в частных вариантах, например «цвет», «свет», «красота» и т.п. Вариативные семы находятся в оппозиционных отношениях и обнаруживаются в противопоставлении атрибутивов (и причастий): *прекрасная особа – небрежно разбросанными (о персиках)*, субстантивов: *оттенки – сочетание*. Подобные антонимические отношения выстраиваются и на синтаксическом уровне (ср. использование сочинительных союзов *и, но* на протяжении текста).

Антонимическая синтетичность восприятия фрагмента действительности актуализируется и на текстовом уровне. В структурном отношении текст состоит из четырех абзацев, отображающих логику восприятия мира автором. Первый абзац представляет собой «цве-

товое» впечатление от объекта действительности – девочки, индуцирующее светлые и теплые впечатления, что выражается в частотности использования эпитетов, например *светлый осенний день*, а также в употреблении слова *ощущение*, которое, словно фокус, увязывает лексический каркас данного абзаца. Второй абзац содержит умозаключение, в нем обозначается целостное впечатление от воспринимаемой картины, что передается семой «единое, составленное из разрозненных кусочков», ср. *Все это буйство красок очень хорошо сочетается между собой и является чем-то общим единым, одной цельной композицией*. Третий абзац непосредственно связан с первым, в нем представлена картина эмоционального восприятия фрагмента действительности. Однако сема «ощущение» представлена имплицитно в лексемах с неопределенной семантикой типа *почему-то* и пр. Четвертый абзац логически связывается со вторым, он содержит проникновение в замысел художника. Подобная двучастная композиция усиливает целостность восприятия фрагмента действительности.

В создании эстетического контекста принимают участие и ассоциативные отношения, которые обнаруживаются на основе символических связей, пронизывающих текстовое пространство: *желтые листья – осень – увядание – молодость, детскость*. Образные средства, используемые автором, раскрывают метафоричность восприятия мира. Художественные средства, принимающие участие в создании эффекта эстетизации, обнаруживаются и на фонетическом уровне, что выражается в использовании сочетаний сонорных согласных с глухими согласными, например *л, сл, тл*, которые обладают потенциалом положительных ассоциаций.

Как видим, эстетико-описательный сценарий оязыкования мира характеризуется доминированием модусной установки, создающей эстетический контекст. Это приводит к внутритекстовому расширению семантических связей и актуализации потенциальных значений, связанных с возможностью их переноса на воспринимаемый фрагмент действительности, его признаки и качества. Каждый объект фрагмента действительности пронизан «духом» эстетизации, что проявляется в возвышенном обозначении «денотативной лексики», в использовании развернутых атрибутивов качественной семантики, выходящих за пределы одного-двух слов, в использовании акциональных глаголов каузирующей семантики. Так из разрозненных кусочков действительности создается целостная картина мира, пронизанная эстетической доминантой.

Таким образом, в статье было показано, что в основе механизмов реализации ЯКМ как текстообразующей категории, влияющей на тип речемыслительного поведения, лежит внеязыковая категория – константная модусная установка, обуславливающая действие того или иного модусного сценария оязыкования «кусочка» действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве подтверждения данного тезиса приведем высказывание Е.И. Горошко: «В 70-е годы появляется и представление об ассоциативной паре как акте предикации, т.е. свернутом высказывании, которое можно развернуть в соответствии с закономерностями ассоциативного

процесса. В отечественной психолингвистике в дальнейшем это направление получило развитие в работах И.Г. Овчинниковой, Ю.Н. Караулова и др.» [3]. Своеобразной иллюстрацией этого тезиса может послужить известная «ученая сказка» Ф. Кривина. *Козёл горячился: «Тоже придумали! Слышно ли дело, – не пускать козла в огород?». Баран был холоден. «Забор поставили, – горячился Козёл. – Высокий забор, а посередине ворота...». «Что? – оживился Баран. – Новые ворота?». «Не знаю, какие они там – новые или старые». «Вы что же, не рассмотрели?»... «Отстаньте», – холодно бросил Козёл. – Какое это может иметь значение?». «Ну как же не может? Ну как же не может иметь? – горячился Баран, – тогда зачем всё? И зачем тогда городить огород?». «Да, да, зачем? – загорелся Козёл. – Я то же самое спрашиваю». «Я не знаю», – пожал плечами Баран. «Нет уж, скажите, – горячился Козёл, – Вы мне ответьте: зачем городить огород?». Баран был холоден. «Вот так – нагородят, – горячился Козёл, – и не пролезешь ни в какие ворота». «Ворота?». Баран горячился. Козёл был холоден. Козёл горячился – Баран был холоден. И до чего же приятно – встретиться вот так, поговорить о том, что волнует обоих... На наш взгляд, пример показывает текстопорождающие возможности ассоциаций, которые в свою очередь детерминированы различными картинами мира: «огородоцентрической» у Козла и «воротоцентрической» у Барана. Ассоциативное поле слов способно в определенной мере отразить картину мира, которая в такой (словесно-ассоциативной) форме бытия обретает статус (некоторые признаки) ЯКМ. Впрочем, направления детерминации здесь весьма разнообразны. Например, в приведенном «диалоге» Козла и Барана нетрудно увидеть и направление от текста-стимула к словесным ассоциациям и далее – в обратном направлении. О механизме взаимодействия на ассоциативной основе слова и текста содержательно (в аспекте энергетической концепции языка) пишет Т.М. Рогожникова [5].*

² В данной работе принципиально разграничиваются понятия «внутренняя интенция» и «коммуникативная интенция». Понятие интенции использует в близком нам смысле Дж. Серль, ср.: «...возможности и ограничения языка задаются возможностями и ограничениями интенциональности как конституирующей характеристики сознания» (Цит. по: [30. С. 46]).

³ Подробный анализ этапов речевой деятельности представлен в [24].

⁴ Ср.: «В формировании мотива большую роль играют человеческие эмоции, вся его психика, настрой...» [24. С. 50].

⁵ В этой связи возникает вопрос об отношениях модусной и прагматической установки (ее реализации в речевых актах). Заметим, что речевой акт предполагает прагматическую цель с ее явным осознанием, автор строит свое высказывание в соответствии с социальным контекстом (в том числе и жанровым аспектом). В случае с нашим экспериментом, как представляется, действует потенциальный (подразумеваемый) коммуникативный контекст, вне которого трудно представить включение ассоциативно-мнемонических и лингвокреативных механизмов. Без них текстопорождение превратилось бы в условную метаязыковую (учебную или игровую) речемыслительную деятельность. Как показывает наш опыт экспериментирования, условные ситуации эксперимента в той или иной мере погружаются испытуемым в воображаемый реальный контекст. И сам выбор его в значительной мере объясняется наличием у носителя языка константной модусной установки.

⁶ Термин предложен Н.Б. Лебедевой [29].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000. 248 с.
2. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др.* М.: Наука, 1988. 216 с.
3. *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Москва; Харьков: ИНЭЖ, 2005. Режим доступа: <http://www.textology.ru/goroshko/VerbalAss/title.html>
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
5. *Рогожникова Т.М.* Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь: ТГУ, 1991. С. 45–53.
6. *Сахарный Л.В.* Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 221–237.
7. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000. 248 с.
8. *Шестак Л.А.* Имя – текст – картина мира (проблемы структурирования вербализованного знания) // Языковая личность: система, нормы, стиль. Волгоград: Перемена, 1998. С. 123–124.
9. *Пац М.В.* От модели языковой картины мира к моделям художественных систем. Репрезентация. Пенза: ПГУАС, 2004. 92 с.
10. *Антропова М.В.* Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественных текстов). М., 1996. 24 с.
11. *Кузьмина Н.А.* К основаниям реконструкции индивидуальной поэтической картины мира (на материале творчества Юрия Левитанского) // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Омск, 2000. Ч. 1. С. 119–131.
12. *Комлев Н.Г.* Слово, денотация и картина мира // Вопросы философии. 1981. № 11. С. 25–37.
13. *Засорина Л.Н.* О некоторых эмпирических признаках металингвистики // Вопросы металингвистики. Л.: Наука, 1973. С. 9.
14. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
15. *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. С. 35–73.
16. *Searle J.R.* Mind, language and society. Philosophy in the real world. N.Y.: Basic Books, 1999. 175 p.
17. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
18. *Ухтомский А.А.* Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966. 273 с.
19. *Балли Ш.* Французская стилистика. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
20. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
21. *Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А.А. Леонтьев.* М.: Наука, 1968. 272 с.
22. *Гинатулин М.М.* К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц). Алма-Ата, 1973.
23. *Голев Н.Д.* О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. Вып. 7. С. 21–26.
24. *Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи.* М.: Наука, 1991. 240 с.
25. *Голев Н.Д.* Лингвотеретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под редакцией Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. С. 7–27.
26. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
27. *Звегинцев В.А.* О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 31, № 1.
28. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
29. *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.
30. *Петров В.В.* Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 39–48.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 января 2009 г.